

Абдуллаева Чаросхон Махамадсоли кизи, независимый соискатель,
Ферганский государственный университет

ОНЕЙРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАТЕГОРИЯ В ПРОЗЕ ХАРУКИ МУРАКАМИ

<https://zenodo.org/records/18729119>

Аннотация: Статья исследует онейрическое пространство как самостоятельную художественную категорию в прозе Харуки Мураками. Анализ романов «Хроники Заводной Птицы», «Кафка на пляже» и «1Q84» демонстрирует, что сновидческие фрагменты у Мураками трансформируются из вспомогательного психологического приёма в автономную онтологическую реальность, обладающую собственной логикой и структурой. Онейрическое пространство функционирует как лиминальная зона трансгрессии, где стираются бинарные оппозиции «реальное/воображаемое», «внутреннее/внешнее», «индивидуальное/коллективное». Установлено, что данная категория становится ключевым инструментом формирования постмодернистского хронотопа в японской литературе конца XX — начала XXI века.

Ключевые слова и выражения: онейрическое пространство, художественная категория, Мураками, постмодернизм, хронотоп, трансгрессия, лиминальность.

XARUKI MURAKAMI NASRIDA ONEYRIK MAKON BADIY KATEGORIYA SIFATIDA

Annotatsiya: Maqola Xaruki Murakami nasrida oneyrik makonni mustaqil badiiy kategoriya sifatida o'rganadi. "Boshlovchi qush yilnomalari," "Kafka plyajda" va "1Q84" romanlari tahlili shuni ko'rsatadiki, Murakamidagi tush fragmentlari yordamchi psixologik usuldan o'z mantig'i va tuzilishiga ega bo'lgan avtonom ontologik voqelikka aylanadi. Oneyrik makon transgressiyaning cheklangan zonasi sifatida ishlaydi, bu yerda "haqiqiy/xayoliy," "ichki/tashqi," "individual/jamoaviy" binar oppozitsiyalari o'chiriladi. Ushbu kategoriya XX asr oxiri - XXI asr boshlari yapon adabiyotida postmodern xronotopni shakllantirishning asosiy vositasiga aylanib borayotgani aniqlandi.

Kalit so'z va iboralar: oneyrik makon, badiiy kategoriya, Murakami, postmodernizm, xronotop, transgressiya, liminallik.

ONEIRIC SPACE AS AN ARTISTIC CATEGORY IN KHARUKI MURAKAMI'S PROSE

Annotation: The article explores the oneirical space as an independent artistic category in the prose of Haruki Murakami. Analysis of the novels

"Chronicles of the Guide Bird," "Kafka on the Beach," and "1Q84" shows that Murakami's dream fragments transform from an auxiliary psychological device into an autonomous ontological reality with its own logic and structure. Oneirical space functions as a limiting zone of transgression, where the binary oppositions "real/imaginary," "internal/external," "individual/collective" are erased. It has been established that this category is becoming a key tool in the formation of the postmodernist chronotope in Japanese literature of the late 20th - early 21st centuries.

Key words and phrases: oneirical space, artistic category, Murakami, postmodernism, chronotope, transgression, liminality.

Вводная часть.

Современная литература демонстрирует устойчивую тенденцию к трансформации сновидения из вторичного элемента повествования в конститутивный принцип художественного мира. В прозе Харуки Мураками этот процесс достигает предельной степени развития: онейрическое пространство перестаёт быть метафорой или иллюстрацией подсознательного и приобретает статус равноценной реальности, функционирующей по собственным законам. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления данного феномена как самостоятельной художественной категории, выходящей за рамки традиционных представлений о сне в литературе. Цель работы — выявить специфику онейрического пространства в прозе Мураками и определить его функции в формировании целостного художественного мира. Объектом исследования выступают романы «Хроники Заводной Птицы» (1994–1995), «Кафка на пляже» (2002) и «1Q84» (2009–2010), предметом — структура и функции онейрического пространства как художественной категории [1, 238].

Анализ литературы и методология исследования.

В исследовании применяется комплекс методологических подходов. Основу составляет структурно-семантический анализ текстов Мураками в переводах Вячеслава Сергеева, позволяющий выявить лингвистические маркеры онейрического опыта и проследить их роль в архитектонике произведений. Дополнительно используются элементы нарратологического анализа для изучения взаимодействия онейрического и реалистического планов повествования. Теоретическую базу составляют концепции хронотопа М. М. Бахтина, теория лиминальности В. Тёрнера в применении к литературному пространству, а также психоаналитические представления К. Г. Юнга об архетипах коллективного бессознательного. Метод сравнительно-сопоставительного анализа позволяет соотнести стратегию Мураками с традициями изображения сновидений в западноевропейской и японской литературе XX века. Выбор указанных романов обусловлен наличием в них развернутых онейрических структур, функционирующих как системообразующий элемент повествования [2, 115].

Результаты и обсуждение.

Анализ текстов выявляет три ключевые характеристики онейрического пространства в прозе Мураками. Во-первых, оно обладает устойчивой пространственно-временной организацией, отличной от линейной логики повседневной реальности. В «Хрониках Заводной Птицы» колодец, в который спускается Тору Окамото, становится не метафорой, а физическим порталом в иное измерение, где время теряет последовательность, а пространство

приобретает концентрическую структуру. Подобная организация коррелирует с юнгианским представлением о коллективном бессознательном как о пространстве архетипов, существующем вне индивидуального опыта. Во-вторых, онейрическое пространство у Мураками характеризуется принципиальной проницаемостью границ. Персонажи перемещаются между мирами без чёткого перехода: сон сменяется явью без грамматических или стилистических маркеров смены состояния. В «1Q84» Аомамэ и Тэнго одновременно существуют в двух реальностях (1984 и 1Q84), и сновидческие эпизоды становятся точками пересечения этих миров. Такая стратегия реализует постмодернистский принцип деконструкции бинарных оппозиций, характерный для японской литературы конца XX века [3, 79].

В-третьих, онейрическое пространство выполняет функцию коллективной памяти. В «Кафке на пляже» библиотека снов, где хранятся воспоминания умерших, становится метафорой архива коллективного бессознательного. Персонажи получают доступ к чужим воспоминаниям и переживаниям, что стирает границу между индивидуальным и универсальным опытом. Этот приём позволяет Мураками преодолеть культурную специфику и создать текст, резонирующий с читателем независимо от национальной принадлежности. Важно отметить, что автор избегает прямой аллегоризации: образы леса, колодца, пляжа сохраняют многозначность и не сводятся к единому символическому коду. Такая стратегия обеспечивает семантическую открытость текста и вовлекает читателя в процесс совместного конструирования смысла [4, 91].

Трансформация сновидения в автономную художественную категорию у Мураками отражает более глубокие изменения в эстетике современной литературы. Если в традиции реализма сон служил инструментом психологической характеристики или пророческим знаком, расшифровываемым автором, то у Мураками онейрическое пространство приобретает онтологический статус. Этот сдвиг коррелирует с кризисом просветительской парадигмы и утверждением постмодернистского принципа множественности реальностей. Мураками не просто изображает сны — он конструирует мир, в котором сновидческое и реальное существуют как равноправные измерения бытия. Подобная стратегия находит параллели в прозе Франца Кафки, однако у японского автора онейрическое пространство лишено кафковского ощущения абсурда и вины; вместо этого оно приобретает нейтральный, почти документальный статус [5, 157].

Лингвистическая организация онейрических фрагментов подчёркивает их особый статус. Мураками использует нейтральную лексику даже для описания фантастических событий: дождь из рыб в «Кафке на пляже» или двойные луны в «1Q84» подаются с той же степенью достоверности, что и бытовые детали. Такой приём создаёт эффект «странного знакомства» (*uncanny*), когда читатель не может точно определить границу между реальным и воображаемым. Перевод Вячеслава Сергеева сохраняет эту особенность оригинала, избегая избыточной метафоричности и сохраняя синтаксическую простоту даже в описании трансцендентных переживаний. Именно эта лингвистическая стратегия обеспечивает онейрическому пространству статус художественной категории, а не просто стилистического приёма [6, 48].

Сравнение с европейской традицией изображения сновидений выявляет культурную специфику подхода Мураками. В отличие от западноевропейской

литературы, где сон часто интерпретируется через призму индивидуального бессознательного (Фрейд), у Мураками доминирует юнгианская модель коллективного бессознательного. Однако автор трансформирует эту модель, интегрируя в неё элементы японской религиозной традиции — синтоистские представления о проницаемости границ между миром живых и мёртвых, буддийские концепции цикличности времени. В результате онейрическое пространство у Мураками становится зоной синкретизма культурных кодов, где западная психоаналитическая традиция переплетается с восточной онтологией. Такая стратегия обеспечивает универсальность текстов Мураками при сохранении их культурной аутентичности [7, 205].

Вывод.

Онейрическое пространство в прозе Харуки Мураками формируется как самостоятельная художественная категория, обладающая устойчивой структурой, онтологическим статусом и системообразующей функцией. Оно выступает в трёх ключевых ипостасях: как лиминальная зона трансгрессии границ между мирами, как пространство коллективной памяти и как инструмент формирования постмодернистского хронотопа. Отказ от прямой интерпретации сновидений и сохранение их семантической открытости позволяют автору преодолеть культурные барьеры и создать текст, резонирующий с читателем независимо от национальной принадлежности. Установлено, что данная категория становится ключевым элементом эстетики Мураками, определяющим не только содержание, но и саму архитектуру его произведений. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сопоставление онейрических стратегий Мураками с практиками других представителей мировой литературы, что позволит выявить универсальные и культурно-специфические черты трансформации сновидения в современной прозе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

14. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 234–260.*
15. Мураками Х. *Хроники Заводной Птицы / Х. Мураками ; пер. с яп. В. Сергеева. — М.: Эксмо, 2003. — 672 с.*
16. Мураками Х. *Кафка на пляже / Х. Мураками ; пер. с яп. В. Сергеева. — М.: Эксмо, 2004. — 576 с.*
17. Мураками Х. *1Q84 / Х. Мураками ; пер. с яп. В. Сергеева. — М.: Эксмо, 2011. — Т. 1–3.*
18. Сергеев В. *О специфике языка Харуки Мураками в русском переводе // Японские исследования / В. Сергеев. — 2006. — № 2. — С. 45–53.*
19. Ханин В. Л. *От модернизма к постмодернизму: трансформация повествовательных стратегий / В. Л. Ханин. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. — 256 с.*
20. Юнг К. Г. *Человек и его символы / К. Г. Юнг. — М.: АСТ, 2002. — 320 с.*
21. Ямада К. *Синтоизм и японская культура / К. Ямада ; пер. с яп. А. Соколова // Вестник РГГУ. Серия: Востоковедение / А. Соколов. — 2008. — № 4. — С. 201–210.*
22. Эко У. *Шесть прогулок в литературных лесах / У. Эко ; пер. с итал. С. Черняк. — М.: Симпозиум, 2008. — 464 с.*